

АНДРЕЙ БИТОВ
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ
СИММЕТРИИ

Андрей Георгиевич Битов

Преподаватель симметрии

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7393395

Преподаватель симметрии : роман-эхо / Андрей Битов: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-084194-3

Аннотация

Андрей Битов признается, что никогда не писал роман-эхо «Преподаватель симметрии», а просто перевел текст давно утерянной иностранной книги. История жизни писателя Урбино Ваноски, записанная рассказчиком, отрывки и сюжеты его произведений. Книгу можно читать с какого угодно места, как рассказы, а можно и от начала до конца, улавливая «эхо, распространяющееся от предыдущего к следующему и от каждого к каждому».

Содержание

Предисловие переводчика	5
I. Future in the Past	9
Вид неба Трои	9
О – цифра или буква?	32
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Битов

Преподаватель симметрии

© Битов А.Г.
© Сурат И.З., статья
© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Мы живем в такое время, когда пишутся самые парадоксальные сочинения, но не тогда, когда они имеют успех.

Вольтер о Лоренсе Стерне

– Мне кажется, синьор, – сказала Ревекка, – что вы в совершенстве изучили пружины сердца человеческого и что геометрия является вернейшим путем к счастью.

Ян Потоцкий «Рукопись, найденная в Сарагосе»

Ему мало было Бога – он привлек в доказательство математику.
Торнтон Уайлдер «Мост короля Людовика Святого»

Предисловие переводчика

Я полагаю должным предварить некоторую неожиданность последующих повестей все-таки объяснением. Давным-давно, еще в дописательской молодости, в моем «геологическом» прошлом, мне попала книжка неизвестного английского автора “The Teacher of Symmetry”. Я прихватил ее с собой в экспедицию с благими намерениями самообразования, да по лени, тяжелой работе и под ироническими взглядами работяг все лето так и не раскрыл. А тут – осень, ненастье, нет вертолета, ждем погоды... Все читано-перечитано, во все игры переиграно... На беду, кто-то вспомнил, что видел у меня иностранную книгу, и пришлось мне ее без полного понятия как языка, так и смысла пересказывать под непрекращающимся дождем. Кое-как, без словаря, до чего догадываясь, что присочиняя, набрасывал я в школьных тетрадках – по рассказу в день. Как Шахерезада... Прилетел наконец вертолет, и я отмутился и с удовольствием забыл и муку и книгу в той мокрой тайге.

Лет десять спустя со мною случилось небывалое происшествие, нечто поразительное по невозможности быть, и ничего мне не подсказали ни опыт, ни память в поддержку, кроме внезапного воспоминания об одном рассказе из этой забытой книжки. Рассказ выплыл так полностью, так отчетливо, будто я его читал вчера... Зато теперь я никак не могу вспомнить того небывалого случая собственной жизни, из-за которого я этот рассказ вспомнил.

Я разыскал на антресолях, в обломках лыж и весел, небрежную рукопись моего «перевода» и вспомнил и другие рассказы из этой книжки, и, таким образом «перечтенная», книжка эта завладела моим воображением – я стал ее искать. Но я не мог вспомнить фамилии автора! Было в ней что-то неанглийское... не то голландское, не то даже японское... Нет, не помню! Я стал спрашивать знатоков, пересказывая содержание, и не достиг успеха. Никто такой книги не читал¹. И вот уже сколько лет прошло с того внезапного мысленного «перечитывания», а она все не идет у меня из головы. Так она и не нашлась.

Чтобы как-то отделаться от ее навязчивости (ведь не я же все это придумал!), я стал потихоньку «переводить» ее, как переводят не тексты, а именно переводные картинки. Не без домысла, конечно (те места, что похуже, пусть будут мои). «Переведя» таким образом некоторые из них, я окончательно забыл оригинал (как в свое время тот факт из собственной жизни...). Концов теперь уже почти нет. Зато отныне вместо воспоминаний о пропавшей книге меня тяготят происшедшие по ее причине рукописи. Я решил рискнуть отделаться и от них, чтобы окончательно обо всем этом забыть.

Ничего из биографии автора... Разве что он наградил своего пишущего героя (Урбино Ваноски) какими-нибудь черточками своей биографии... Ровесник века. Прихотливое сочетание кровей (польская, итальянская и чуть ли не японская). Позднее вхождение в язык своей будущей литературы², оттого некоторые стилистические изыски. Так, например, чудовищное количество грамматических времен в английском языке он воспринял буквально, написав каждую вещь в каждом из них и расположив оглавление таблицей.

Содержание я успел срисовать:

¹ В 1987 году в Вашингтоне директор Библиотеки Конгресса лорд Биллингтон (полагаю, из чистой вежливости) спросил меня, над чем я сейчас работаю. Он был высок, худ, осанист и чем-то напомнил мне героя «Преподавателя». Поэтому-то я и брякнул, что создаю ремейк одного забытого английского автора, только вот оригинала никак не могу найти. «О, – сказал лорд, – если она хоть раз издавалась, то книга обязательно есть в нашей библиотеке». Он казался смущенным, когда через несколько дней, встретившись на приеме, заверил меня, что такой книги нет. Мне было еще более неловко (*Прим. пер.*).

² Читал ли Тайрд-Боффина его ровесник, будущий автор *The Real Life of Sebastian Knight?* (*Прим. пер.*)

	<i>Present</i>	<i>Past</i>	<i>Future</i>	<i>Future in the Past</i>
<i>Indefinite</i>	Freud's Family Doctor	The Talking Ear	King of Britannica	The Inevitability of the Unwritten
<i>Continuous</i>	Pigeon Post	Future in the Past	A Couple of Coffins from A Cup of Coffee	Dooms Day
<i>Perfect</i>	Bach's Spring	The History of Histories	The Calendar's Prohibition Centennial	No Idea
<i>Same Author</i>	My Father in Paradise	The Monkey Link	Nothing about Japar	Back from the Earth

Первое, на что способен переводчик, – это поменять названия произведений. Что я и проделал прежде всего:

	<i>Present</i>	<i>Past</i>	<i>Future</i>	<i>Future in the Past</i>
<i>Indefinite</i>	О – цифра или буква?	В конце предложения	Битва при Азбуке	Посмертные записки Триграмм-клуба
<i>Continuous</i>	Последний случай писем	Вид неба Трои	Забывчивое слово	Экстренный вызов

	<i>Present</i>	<i>Past</i>	<i>Future</i>	<i>Future in the Past</i>
<i>Perfect</i>	Ухо Моцарта	История двадцатых веков	К столетию отмены календаря	Евангелие от лукавого

Другие книги того же автора:

<i>Perfect Continuous</i>	Что-то с любовью	Сожженный роман	Автогеогра- фия	Погребение заживо

Это так, для любопытства... Средствами русской грамматики все равно не передать подобного своеобразия – оно непереводаемо в принципе.

Теперь оставалось всего лишь перевести все это на русский... С опасением предлагая искушенному читателю эти попытки, опираюсь на цитату из любимого мною автора: «Как бы то ни было, в ожидании появления моего знаменитого *in quarto* я намерен сделать для вас несколько выписок из моей тетрадки. Наперед вас предупреждаю, что в ней воровство ужасное: на одну мою страницу в ней иногда десять страниц чистого перевода, а потом столько же страниц извлечений. Пестрить страницы ссылками на источники моих похищений было бы бесполезно; некоторые из книг вы не найдете, других не станете читать; это – семь книг умных и безумных, медицинских, математических, философских и не принадлежащих ни к какому разряду. Наперед кланяюсь пред всеми жертвами моего грабительства; немногие в наше время способны на такую откровенность...» (В. Ф. Одоевский. Письма к графине Е. П. Р...Й о привидениях, суеверных страхах, обманах чувств, магии, каббалистике, алхимии и других таинственных знаках).

Каждая глава «Преподавателя» может быть прочитана как отдельное произведение, читатель волен отдать предпочтение той или другой как самостоятельному рассказу, но если он осилит все подряд и расслышит *эхо*, распространяющееся от предыдущего к следующему и от каждого к каждому, то он обнаружит и источник его, то есть прочтет и *сам роман*, а не набор историй.

1971, пос. Рыбачий (б. Росситтен)

P. S. – 2008... Наступали 70-е прошлого века. В России никто ничего не слышал, не видел и нигде не бывал. Я тоже. Поэтому мой устный пересказ, как бы я ни перевирал оригинал, работяги выслушали: надо же! бывает и такое. Прошу и современного читателя в той же мере уважать труд переводчика, как он уважает труд читателя: *от первого до последнего слова*.

Автор перевода выражает признательность местам,
в которых все это *переводилось*:

биостанция АН СССР, поселок Рыбачий (б. Росситтен) Калининградской обл., 1969–1975;

Дом творчества «Переделкино», 1976–1977;

деревня Голузино Антроповского р-на Костромской обл., 1978–1985;

Петропавловская ул. и ул. Достоевского в Ленинграде, 1986;

Нью-Йорк и Принстон, США, 1995–1997;

остров Готланд, Baltic Centre, 2007;

отель «Альпенгут», Эльмау, Бавария, 2008;

а также благодарность “Zuger Kultur Stiftung, Landis & Gyr”, г. Цуг, Швейцария, предоставившей мне материальную возможность довести этот перевод до конца.

P. S. – 2011 Дополнительная благодарность к немецкой версии:

Елене Пастернак, Готланд – за крышу;

Розмари Титце – за редактуру;

Arvydas Juozaitis – за самое длинное англ. слово и за пинг-понг.

Андрей Битов

I. Future in the Past

Вид неба Трои (Future in the Past)

*Как вспышка молнии,
Как исчезающая капля росы,
Как призрак —
Мысль о самом себе.*

Принц Иккю

Я единственный человек в мире, который мог бы пролить некоторый свет на загадочную кончину Урбино Ваноски. Но, увы, это не в моих силах. Легенда на то и легенда, что — неколебима. Он так и умер, а вернее, воскрес в сознании читателей и критики — в полной безвестности, не ведая о своей славе, бедный, как церковная крыса (я бы не пошел на такое сравнение, если бы оно не было буквально: по легенде, последние годы своей жизни он служил сторожем в костеле и торговал свечами). Могила его утеряна — это красиво: прижизненная неизвестность питает лучи его запоздалой славы, а они раскаляют его несуществующий надгробный камень. Крупнейшая прижизненная литературная премия навсегда осталась для него посмертной, основоположив фонд его имени, на средства которого мы, его исследователи, ежегодно собираемся где-нибудь на Адриатике, а потом издаем нами же самими читаемый том наших прений, ничего не оставляя в пользу потенциальных гениев из церковных сторожей.

Бум Ваноски, безвестного автора тридцатых годов, пришедшийся на конец шестидесятых, есть целиком заслуга бессменного председателя фонда В. Ван-Боока, и я буду с позором изгнан коллегами из наших сплоченных рядов, если попытаюсь пошатнуть им воздвигнутый миф. Мне никто не поверит, меня убедительно опровергнут, обвинят в фальсификации... И где будет тогда мой ежегодный летний отдых?

Между тем Урбино Ваноски не был церковным сторожем — он был лифтером. И умер он (а может, и не умер еще...), зная о своей внезапной славе и о своем Гран-при — зная. Ибо это был я, кто нашел его перед смертью (а может, и не перед...), кто видел его последним, кто сообщил ему все эти радостные известия. И это мне он дал свое последнее интервью. Это было даже не интервью, а исповедь. Не знаю, почему он избрал для этого именно меня, может, потому, что я ему с первого взгляда не понравился. Не всему, наверно, в этой исповеди следует верить — я имею основания подозревать, что рассудок его уже не был вполне здрав. Так, на вопрос, как он относится к столь высокой награде, он ответил, что ожидал большую. «Какую же?» — не мог не спросить я. «Смерть», — спокойно ответил он. Но особенно взбесил его рядовой вопрос, над чем он сейчас трудится. «Слава богу, — вспыхнул он, — никогда я не был трудящимся!» Я поправился, как мог: что он пишет? «Пишут живописцы! Так что если я пишу, то пейзажи. Да что вы спрашиваете, если вы и того не прочли, что уже написано!» Я это понял так, что у него есть что-то неопубликованное. «Вряд ли, — отрезал он. — Впрочем, после каждого приличного писателя должно остаться что-нибудь достойное посмертной публикации». Я бы был не я, если б в это не вцепился. «Ну есть, есть... — нехотя и охотно уступал он. — Есть один неоконченный роман, “Жизнь без нас” называется... или

“Погребение заживо”?.. даже название не помню!.. только вряд ли я его допишу... жизнь допишет».

– О потусторонней жизни?.. – вникал я.

– О посюсторонней! – сердился он. – Откуда вам знать, какая сторона эта, а какая та?! – Наверно, у меня был обескураженный вид, он взглянул на меня как на ребенка, и глаза его снова стали прекрасны. – Есть один роман, возможно, почти законченный... но я не могу его найти. Впрочем, немудрено, он так и называется – «Исчезновение предметов». Там... Нет, не буду пересказывать! Это «дурной моветон».

Вам никогда не приходилось совсем забыть слово? Вы его точно знаете, но неспособны воспроизвести?.. Говорите, со всеми такое бывает? Но потом же вы его все равно вспоминаете. А вот так, чтобы навсегда, на всю жизнь забыть! Было у меня в жизни одно такое – *ключевое*; я его только один раз за жизнь и вспомнил, но тут же попал в шторм и уже навсегда забыл. До сего дня... Ведь что-то это значит, что именно его и именно я! А вы наблюдали, как запоминают солнце подсолнухи, чтобы не забыть его до утра?.. – Глаз старика лукаво загорелся. – Вы, кажется, хотели, чтобы я написал вам пейзаж?.. Хорошо. Это будет пейзаж, которого никто, кроме древних греков, не видел...

– ...Думаю, такие же поля подсолнухов могли быть и в Древней Греции. Мы это наблюдали вместе с Дикой, в Италии, нет, уже не древней. – Для убедительности он пощупал себя за икру, чтобы показать, где это. – В Умбрии... Там было огромное подсолнуховое поле, мимо которого мы поднимались в горы встречать восходы и закаты. Все знают, что подсолнухи всегда обращены к солнцу. Ловят каждый его лучик. Они даже его себе на мордочку срисовали, как дети. Мы шли мимо и улыбались им, а они нам. На закате, впрочем, они выглядели более собранно и озабоченно, как строй солдат, ждущий команды. Казалось бы, они должны были уловить его последний луч... и вдруг они всем строем отворачиваются от солнца, демонстрируя нам свои ровные стриженные затылки! Непонятно. Не обижаются же они на солнце?

Я только так сумел это себе объяснить: они подготовились встретить первый луч, а не провожать последний! Энергию закатного солнца они используют, чтобы развернуться к солнцу восходящему! Должно быть, в восходящем больше полезного им света. Дика не восприняла мою теорию, хотя что-то соображала в биологии, в отличие от меня. Но ее больше животные интересовали, а меня всегда больше растения привлекали. Я ей – про подсолнухи, а она мне – про коз. Почему, мол, они всегда ходят по склону в одну сторону? так же неудобно, всегда в одну? Никогда не возвращаются... Я ей говорю, что это порода такая специальная, горная: правые ноги короче левых. А как же назад?? – беспокоилась за них Дика. Они же опрокинутся! Вот и приходится им всю жизнь ходить кругом, находил я подходящее объяснение. И она верила. Она была очень простодушна.

Лицо старика вдруг стало суровым, и он продолжал уже так:

– Понимаете, жизнь есть текст. Не дочитанный живущим. Но и текст есть жизнь! В каждой строчке должна таиться тайна будущей строки. Как в жизни – необъявленность следующего мгновения. Мы – не подсолнухи. Мы – козы. В Америке она удивлялась, откуда американцы берут столько индюшачьих ножек в День благодарения. Я ее легко убедил, что американцы вывели для этой цели специальную породу о четырех ногах, понимаете?.. – Старик шумно высморкался и промокнул слезящиеся глаза.

Я имею основания подозревать, что рассудок его уже не был вполне здрав. Мог ли я тогда опубликовать весь этот бред? Мог, все равно это бы стало сенсацией. Я был молод, мечтал о славе. Хорошо, один умный чиновник отсоветовал мне: мол, потеряю работу. И правда, кто я был? Моя сенсация неизбежно разбилась бы о скалу с размахом возведенного

мифа. Иногда мне кажется, что и сам бедный лифтер именно о нее и разбился. Будто лифт его оборвался. Его вполне могли и придушить...

Может, все-таки получше – в храме, торгуя свечами, ни о чем не помышляя?.. Легкая, светлая смерть...

– Так что в этом еще нет ничего необычного, если в Гарден-парке к вам подсаживается незнакомый человек, толстый, лысый, потный, собственно, не подсаживается, а плюхается, будто – уф! наконец и успел! – успокаивается, подсыхает под апрельским солнышком и, отпыхтевшись, говорит: «Ну что ж, Урбино, много я не могу, но вашу фотографию могу вам показать...» Но если с вами случится такое, как случилось это со мной, не удивляйтесь и не раздумывайте, а сразу пошлите этого господина подальше. Кстати, послать подальше – это всегда лучшая философия, мудрость достоинства... Только понял я это значительно позднее. Только и поняв, не стал я обладателем этой доблести по сей день...

Так протяжно вздохнул старый Урбино Ваноски, подняв на меня свои прекрасные глаза, – ни у кого не встречал я такой прямооты и безответности во взоре, слитых воедино. Впрочем, он тут же прекрасный свой взор отвел в смущении: как бы я не подумал, что философия эта и ко мне имеет отношение, хотя как раз ко мне-то она и имела... Как корреспондент «Серсдэй ивнинг» и «Иестердэй ньюс» я брал у него интервью. Мы сидели в крохотной его каморке, но такой чистой и пустой, что как бы даже чересчур просторной. Всей мебели был один фанерный дырявый шкаф.

Это была бы настоящая тюремная камера, если бы не какая-то покорность обстановки: комната была узницей его взгляда, а не он – ее узником. Комната обрамляла лицо хозяина, а лицо было рамкой его глаз. Эта вписанность друг в друга была как бы обратной: лица во взгляд, комнаты в лицо. Конура его находилась под самой кровлей, и в скошенное оконце уже не были видны ни двор, ни крыши, а только клочок неба с всплывшим в раму облачком. Я сидел на единственном венском стуле, очень непрочном; Ваноски – на своей узкой откидной койке. Его очень бритое длинное лицо было таким же чистым, как его комната, и даже младокожим, что почему-то подчеркивало его старость, придавало ей глубину. Ах, как пусто, как чисто, как подготовлено, чтобы покидать каждое мгновение в полном расчете с внешним миром! Ничего не было в этой комнате – лишь я, с толстотой и неприличием своего здоровья и желания быть, ощущал не то кухонный жар своего тела, не то прохладу склепа, – то ли я был здесь из другого пространства, то ли оно было другим...

Что-то сместилось в моем восприятии: я беспрестанно путал внешнюю и внутреннюю поверхность явлений и предметов – чувство из неудобных, – уже с неприязнью взглядывал на этого маньяка, написавшего, однако, «Последний случай писем» – книгу столь удивительную, что лишь я сам бы мог ее написать, если бы мог... С такой радостью схватился я за это безнадежное задание – отыскать могилу загадочного Ваноски. И вот на тебе, нашел! не могилу, а самого – и живого! Но вот живого ли? Нашел – чтобы стынуть от соседства этого минус-человека, удивляться иронии провидения, посылающего способность, даже не способность – возможность, даже не возможность – случай возможности создания такой книги... такая сила – в мертвых чреслах нежившего человека... наткнуться горячей, пульсирующей завистью на напрасность любой зависти и еще испытывать мучительное чувство неловкости оттого, что тормозишь добросовестно удалившегося от жизни человека, словно это твоя роль – доставить ему последнюю, все-таки живую боль. Любое мое движение разрывало его ветхий пепельный кокон, похожий, по детской памяти, на опустевшее осиное гнездо! Теперь мне казалось, что с первого взгляда, как только я вошел к нему в лифт, старик признал во мне своего палача – столько тоски, в пределах воспитанности и приличия, но до краев заполнив площадочку этих пределов, выразил его первый взгляд. Не мог он вот так смотреть на каждого пассажира – значит, уже ждал... Но в то же время – это было мне

точно известно – меня-то он ждать не мог, потому хотя бы, что ничего уже не ждал от своих книг, никакого эффекта, – значит, он ожидал кого-то. Этим «кем-то» мог оказаться я, а не оказался – это я понял по тому, как быстро страх покинул его, когда я объяснил ему свою задачу. Однако когда он его покинул, то было это, как мне показалось, не только облегчением, но в ту же секунду – разочарованием. Ему стало скучно, напрасно и досадно в той последней мере, о которой я мог бы лишь предполагать, но не иметь представления: не знал я о той пропасти отсутствия, в которую повергнут автор, воссоздающий близкие и понятные нам вещи...

Ваноски сказал, что до конца дежурства не может уделить мне внимания, и это я тут же взялся уладить. Он пробовал остановить меня, испуганно и робко, – я заявил, что это решительно не составит мне никакого беспокойства. С самоуверенностью молодого болвана я предположил, что затерянному в нищете и безвестности гениальному старику будет приятен тот взрыв предупредительности и подобострастия, который последует от его хозяев непосредственно вслед за предъявлением моих мандатов могучих «Иестердэй ньюс». Действительно, все так и было, как я предполагал: хозяин засуетился – конечно, конечно! – и отпустил старика на весь день, без труда заменив его кем-то. Но той синей муки, что отразилась на лице старого Ваноски от всей этой суеты, от холуйски-любопытного взглядывания хозяйина, от каннибальского облизывания перед бесплатностью чуда, – такой тоски во взгляде я не предполагал: так глядят из клетки на посетителей зоосада. Я разрушил весь энергетический баланс старика: это уже произошло и было ему ясно.

Сценарий, в который он угодил, был заранее определен: сенсация новой звезды – из нищего небытия в великие художники – затмевала и художника и нищету, сенсация и была содержанием. Так что бедный старик уже никак не мог бы стать самим собой ни в одном отношении, а должен был быть лишь тем Ваноски, легенда о котором уже рождена без него, – она же и должна быть развита, пока есть для нее время, по весьма простым и заранее определенным сюжетным законам. Шедевр, созданный в нищете, подразумевал нищету, создавшую шедевр, – и позитивизм торжествовал. Я спросил его, как он сумел написать такое, и он ответил: «Не знаю». Я спросил его, что он будет делать с двадцатью тысячами долларов, он сказал: «Не помню».

Собственно, я мог бы и уходить, потому что старик уже ничем не мог быть мне полезен. Ему ничего не было нужно, и, следовательно, подыграть мне, из соображений общей выгоды, он не мог, а ничто другое газету не интересовало. Истина могла интриговать лишь меня лично, но до нее было далеко, и не было времени. И взгляду в этом вылизанном гробу остановиться было не на чем: лишь один предмет украшал комнату, впрочем, достаточно странный, если отметить его вниманием, – застекленная, в тоненькой металлической рамочке фотография довольно большого формата. Но на фотографии, собственно, ничего не было отображено: она была в основном пустой, и лишь в одном углу помещалось что-то вроде облачка. Расположившись напротив окошка, над кроватью, над головой старика, она была как бы декорацией – вторым окошком, в которое я смотрел, в то время как старик, сидевший напротив, смотрел, выходит, в настоящее окно. Эта фотография еще могла бы мне послужить в качестве причуды гения: поместить над кроватью вид из собственного окошка, из которого в свою очередь ничего не видно, кроме небесного клочка! Под фотографией была медная табличка с кудряво-выгравированной надписью, как на дверной дощечке, – я еще подумал с ухмылкой: неужели у этой жалкой фотоработы есть тщеславный автор? Вторым предметом, который меня бы самого уж никак не заинтересовал, если б не поведение старика в его отношении, была некая кнопка наподобие звонка, расположенная тоже над кроватью, но несколько ниже «картины». Звонок этот был вмазан в стену, так что одна кнопка и торчала – круглая, гладкая, белая, довольно широкая для кнопки, со средней пуговицу. По-видимому, устройство было недавно установлено, потому что вокруг него просыхало,

но еще не просохло серое цементное пятно. Вот на эту кнопку изредка, будто с испугом, косился старик, но тут же и пытался этот свой испуг от меня скрыть, неумело придавая своему взгляду вид случайно брошенного. Кнопку я легко себе объяснил: что она установлена для вызова старика к лифту, а что он на нее косится, я тоже истолковал как затравленность несчастного и подчиненность.

– Хозяин вас сегодня уже не будет беспокоить, – сказал ему я как можно мягче, с тем чтобы он хоть с этой кнопкой не дергался – и так я отчаивался вытянуть из него что-нибудь, мне пригодное.

– Благодарю вас, это я понял, – сказал старик. Все-таки поразителен был этот его вставленный в лицо взгляд! И я подумал: до чего же социально предопределено восприятие! ведь я же прекрасно знал, кого искал, пока искал... и так забыл, когда нашел... В этой конуре я отводил ему меру разумения, определенную низшей линейкой социальной лестницы. Господи! ведь если он написал такое, то как же он все видел и меня видел... все это время. Мне стало тут настолько неловко моей снисходительности и покровительства, что я в замешательстве вскочил со стула, а чтобы как-то оправдать эту резкость движений, сделал вид, что поднялся прочесть подпись фотографа под картинкой. И то, что я прочел, было впрямь причудливо: «ВИД НЕБА ТРОИ».

– Вы были в Трое? – глупо спросил я.

– Как же я мог там быть? – Старик слабо ухмыльнулся. – Меня тогда не было.

– Конечно, я имею в виду... – забормотал я, опять наткнувшись на свою глупость. – Я говорю о том месте, которое, я читал, недавно отрыли, где была Троя... я современную Троию имел в виду...

– Нет, это небо именно той Трои, то небо, – монотонно произнес старик.

Холодок прошел по моей спине. Как человек молодой, я страшился встречи с безумием. Да что говорить! я ни одного мертвого за свою жизнь не видел, не считая жертв несчастных случаев – а это еще не мертвые, не твои мертвые. И безумных... лишь юмористические тени в уличной толпе. Но слабоумие – не безумие. Здесь же я испугался Ваноски, отвел взор и уставился на его шкаф.

У него в «Последнем случае писем» (роман о поэме) есть место... ах, какое место! Не могу объяснить, почему именно оно так на меня каждый раз действовало, а я перечитал его уже много раз, заиграл, как пластинку с любимой мелодией, так... Там герой ждет письма, а его нет, и вот он, совсем уж раздерганный страхом и страстью, идет по пустоши на берегу моря; вдруг – стоит на дюне дырявый фанерный шкаф, видимо, выкинутый прибоем, герой раздраженно и автоматически отворяет дверцу – там письмо. Он яростно вскрывает его, впивается, и в нем: «Дорогой Урбино!..» – а дальше не прочесть никак; словно бы и слова, и буквы, и ее почерк, и он прочитывает залпом, а опять – ничего не прочел, и он читает снова и снова – и не может прочесть. Он тут же спешит домой, садится и стремительно строчит ответ. И дальше – господи! как это там написано!.. – клубятся слова, дымятся чернила, идет текст, который он страстно строчит, но в конце каждой строчки исчезает этот текст, страсть повисает, пропадает без обрыва за полями страницы, а вместо только что произнесенной фразы на бумаге оказывается совсем не то, что-то про тетю Клару и ее попугая... И в бессилии рыдает бедный Урбино, смывая слезами тетю Клару, и когда, утешившись, поднимает свою прозрачную, проточную голову, то снова обретает силу и соответствие и пишет письмо уже спокойно и быстро, деловито, а на самом деле просто линейки ведет – детское море... Тут к нему приходит сосед, и они начинают обсуждать одно их давнее дельце, очень толково сговариваются и едут в город Таунус. И так там написано – я каждый раз стремился схватить этот переход и не схватывал, – что и в книге больше не оказывалось этого места, сколько ни листай...

Вот и сейчас мне показалось, что я стою на краю его безумия, и так плавно, так неуловимо и непрерывно закручивается оно, так головокружительно – воронка, куда утекает сознание, как в песок, – что и не заметишь, как окажешься на внутренней поверхности явлений, проскользив по умопомрачительной математической кривизне, и выглянешь наружу оттуда, откуда уже нет возврата...

– Да, да, понимаю, то небо... – сказал я, как бы пятясь во взоре.

Старик ухмыльнулся:

– У меня есть вполне реальное основание верить, что это так. Вы молоды... И потом, разве не одно и то же небо накрывает и ту Троию и эту, и нас и после нас... Вот вам хотя бы метафорически...

– Это истина! – Я радостно закивал, успокоившись возвращением Ваноски в допустимый нами логический ряд.

– Вот любопытно, почему вам отвлечение, образ, метафора своим удалением кажутся приближением к истине, в то время как реальность, окружившая нас, – бессмысленной, засоренной чем-то лишним, как бы недостаточно обобщенной и абстрактной и в силу этого не истинной... Все – наоборот! Вряд ли вам пора это понять... Я могу вас только предупредить, и, по-видимому, напрасно... Вряд ли вам пригодится мой частный опыт, опыт вообще не годится... Да и вряд ли вам достанется такая открытая форма судьбы... Во всяком случае, мой вам совет: никогда не соглашайтесь ни на какие заманчивые предложения, вы человек простодушный и бескорыстный, – (на первое определение я вздрогнул и надулся обидеться, на второе согласно и ослабев кивнул), – поэтому вы все предложенное всегда примете как подарок, или как авантюру, или как судьбу, вы вцепитесь, как нежадный человек, которому не достается... Отклоняйте любое предложение – это всегда дьявол. Поэтому-то это небо настоящей Трои...

Тут-то он и произнес эту фразу про лысого толстяка в Гарден-парке, и я его уже в очередной раз не понял. Тут-то он и сказал, что посылать подальше – лучшая философия, соответственно взглянув с тоскою, что вот опять и уже – не послал...

– Вам что-то от меня надо, потому что на самом деле я вам совершенно не нужен, а строго необходимо нечто заподозренное на моем месте. Все теперь – насильники реальности, практиканты прогресса... Считайте потому, что меня как бы и нет. Но поскольку вам что-то от меня, хотя и не меня, нужно – а я именно потому исключил вокруг себя жизнь, что считал всегда должным отвечать на нее, – то и теперь считаю себя обязанным ответить, поскольку вы – жизнь, раз пришли ко мне... Но так как вам нет до меня дела, а есть дело лишь до того, что вам предпологаемо нужно, то и я вправе ответить вам тем, на что считаю себя способным. И это полное несоответствие, равное по весу, и есть существо вопроса и ответа... Про эту картинку я вам расскажу, у меня есть повод приближать ее нынче, – (он опять сделал вид, что не покосился на кнопку), – то есть я сам непрестанно думаю сейчас о ней, поэтому и расскажу вам про нее более или менее с легкостью. Нужно это вам или нет – ваше дело. Вы пришли ко мне сами и с самим собою, поэтому ничего удивительного, что перед вами именно я, никакого отношения к вам не имеющий...

– Так это был дьявол? – спросил я, рассердившись на его поучения.

– Зачем уж обязательно с рогами?... – поморщился Ваноски. – И глаза у него были голубые-голубые – совсем не угли. И лысина – словно специально, чтобы подчеркнуть отсутствие рогов... Толстый. Толстый не внушает подозрения – это народное чувство. О, лишь потом я оценил всю меру его благодушия! Он совсем не напрягался. Он совсем меня не обманывал – искушение и не имеет ничего общего с обманом: искушаемся мы вполне самостоятельно. Пожалуй, он и впрямь присел просто так – отдышаться, слишком было жарко.

Англичане, как известно, очень болтливы. Может, мы потому и распространили миф о нашей молчаливости и сдержанности, что стараемся скрыть этот порок. Я, во всяком случае, не преминул одернуть навязчивого незнакомца: мол, не имею чести *etc.*

Он был как-то действительно весь некстати: и мне, и вообще, даже и внешне так выглядел – некстати. Я был молод, как вы; мною владели сильные представления о себе: чем неопределенней, тем сильнее. Особенно когда ни пенни в кармане. О любви, о славе... Я унесся в тот момент достаточно далеко. Тем неприятнее поймать себя на мысли... В этот момент некое неопределенно-прекрасное существо, почему-то в индийском сари, на берегу лазурного моря прижимало к груди мою розу... И я одернул его с ледяным достоинством истого британца.

– То есть как это – вы не Урбино?.. – обиженно сказал толстяк.

Тут только дошла до меня вся нелепость моей только, что с таким достоинством произнесенной фразы, а именно, что никакой я не Урбино. А он уже раскрыл свой бесформенный, обшарпанный портфельчик и запустил в него свою мясистую лапу вора. Так мне вдруг показалось, что он у себя, в своем собственном портфеле, ворует.

– Может, и это не вы? – И он выдернул не глядя, как из грядки, одну фотографию и торжествующе сунул мне под нос.

Но это был действительно не я! То есть это кто угодно мог быть. Пол-лица было закрыто неким аппаратом, отчасти напомиавшим фотографический, отчасти некое фантастическое оружие с дулом наподобие ружья, – во всяком случае, этот тип с фотографии как бы целился, и те пол-лица, что не были скрыты аппаратом, были прищурены и перекошены. И одет он был как бы не по-нашему, причудливо. И я сказал, торжествуя над недавним своим смущением, что это уж никак не я.

– Не вы? – удивился толстяк, наконец взглянув на фотографию. – Ах я старый дурак! – Огорчение его было столь неподдельным! – Простите меня ради... – Тут его стало корезить от досады, и будто он даже пытался сам себе дать пощечину этой фотографией.

– Прекратите вашу неприличную клоунаду! – холодно сказал я.

– Вы даже не представляете, какой непростительный я совершил промах и как мне за это попадет! – сокрушался он. – Сроду со мной такого не случалось! Действительно, это не ваша... Это фотография одного вашего будущего знакомого... Но есть и ваша... Честное... Клянусь... Не иначе как бес попутал. – Он опять замахнулся сам на себя, но как-то уже ласково. – Не сердитесь, я сейчас...

Он рылся и рылся в своем портфеле, извлекая толстые кипы фотографий разного формата и возраста, словно наворованные из многочисленных любительских и семейных альбомов, – недодержанные и передержанные, в подтеках проявителя, с лохматыми пятнышками клея и оборванными углами.

– Куда же она задевалась?.. – Редкий набор неумелости проплывал перед моими глазами: то клиент без головы, зато в рыцарских доспехах, то одна рука со стаканом, то куст с одной размазанной ветвью, словно хотели снять птичку, а она улетела. – Вы очень наблюдательны, – сказал он, продолжая поиски, – почему я, собственно, и подсел к вам... Редко кто сразу находил на этой фотографии птичку. Для этого надо родиться поэтом! А такое три-четыре раза за век... Вот как вы или... Впрочем, вы ведь не любитель «Озерной школы»... Между тем именно эта птичка вдохновила... Впрочем, ладно, это ни к чему... Я ведь что хочу вам сказать: это все абсолютно случайные отпечатки, они бессмысленны и ничего не значат... Вот, например, это – Шекспир... И это вовсе не момент написания монолога «Быть или не быть», и не свидание со смуглой леди, и не встреча с Фрэнсисом Бэконом... это он усталый после спектакля... – На фотографии стоял фаянсовый таз с отбитым краешком, действительно как бы и устаревшей формы, но из него торчали две нормальные голые ноги, не то кривоватые, не то криво туда поставленные, один палец высунулся так, словно там, в тазу,